

А.З. Манфред

Наполеон Бонапарт

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

А.З. Манфред
А11 Наполеон Бонапарт / А.З. Манфред – М.: Книга по Требованию, 2013. –
736 с.

ISBN 978-5-458-45642-5

Данное издание - это политическая биография французского буржуазного государственного деятеля и полководца Наполеона Бонапарта. Автор рассказывает об основных событиях и фактах того времени, об окружении Наполеона, о секретах его триумфов и причинах поражений.

ISBN 978-5-458-45642-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

От автора

Стендаль в предисловии к «Жизни Наполеона» писал: «Поскольку каждый имеет определенное суждение о Наполеоне, это жизнеописание никого не сможет удовлетворить полностью. Одинаково трудно удовлетворить читателей, когда пишешь о предметах либо малоинтересных, либо представляющих слишком большой интерес»¹.

Это мнение великого романиста было верным не только для того времени, когда были написаны приведенные строки,— февраля 1818 года: и сегодня, полтора десятилетия спустя, оно остается столь же справедливым.

Писать об удивительном корсиканце, приковавшем внимание всего мира к своему имени, было всегда трудно прежде всего по причинам, на которые указал Стендаль. Но по мере того как шло время и в научный оборот вовлекалось неудержимо возрастающее количество источников — документов, писем, мемуаров, свидетельств современников, а литература о Наполеоне становилась почти необозримой, писать о нем год от году было все труднее. Преимущества, связанные с непрерывно расширявшимся потоком книг об эпохе Наполеона, легко превращались в свою противоположность. Легенды, так называемые общепринятые мнения, устоявшиеся суждения, незыблемые догмы, наслаиваясь одни на другие, создавали искусственные преграды, затруднявшие доступ к живой ткани исторического процесса. Каждый новый исследователь, возвращавшийся к этой теме, оказывался в более трудном положении, чем его предшественник. Чтобы остаться вполне самостоятельным и оригинальным в суждениях, он должен был, преодолевая давление сложившихся концепций и схем, пробиваться к живительной подпочве первоисточников и проследивать их течение по всем изгибам русла от истоков до устья. Это значило, говоря иными словами, всякий раз начинать все сначала.

К этим общим трудностям, стоящим на пути исследования наполеоновской темы, для меня лично прибавилась еще одна, о которой не могу не сказать в предисловии.

Как известно, в нашей стране и за ее пределами заслуженным признанием пользуется книга академика Е. В. Тарле «Наполеон». Она много раз переиздавалась у нас и была переведена на ряд иностранных языков. С Евгением Викторовичем Тарле меня связывали, особенно в последние годы его жизни, теплые, дружеские отношения. Я всегда высоко ценил его большой талант и дорожил его добрым отношением ко мне.

В течение многих лет, работая над наполеоновской темой, я не считал себя морально вправе публиковать что-либо по этой проблематике. Но годы шли. Миновало более тридцати пяти лет с тех пор, как был написан «Наполеон» Тарле, — и каких лет! — заполненных грандиозными историческими событиями. За эти десятилетия мир во многом стал иным, и поколение 70-х годов XX века — последней его трети — видит и воспринимает многое иначе, чем люди 30-х годов — первой трети нынешнего столетия.

К сказанному надо добавить, что и историческая наука за минувшие десятилетия также не стояла на месте. Это относится не только к ее общему росту, но и более узко — к теме, о которой идет сейчас речь. В последние тридцать — сорок лет было опубликовано великое множество новых ценных источников по самым разным аспектам проблематики наполеоновской эпохи, был открыт доступ к некоторым архивам, содержащим важные документальные материалы; наконец, было издано много новых исторических работ, начиная от обобщающих сочинений вроде шестнадцатитомного труда Луи Мадлена и кончая монографическими исследованиями самых узких, специальных вопросов.

Совокупность всех этих обстоятельств побудила меня снять наконец «табу» с наполеоновской тематики, которое по внутреннему побуждению я сам в свое время на нее наложил. Я решился на это не без колебаний. Но я вспомнил, как Евгений Викторович Тарле рассказывал о сомнениях, одолевавших его, когда он впервые брался за эту тему:

— Такие предшественники! Вальтер Скотт, Стендаль, Толстой... Было над чем задуматься. И все-таки, — после паузы добавил он, — я решился!

Ныне перед каждым пишущим о Наполеоне перечень предшественников предстает еще более возросшим. К названным именам надо еще прибавить новые —

Е. В. Тарле, Жоржа Лефевра, Андре Моруа, Эмиля Людвига, Бертрана Рассела и многих, многих других.

Конечно, чем внушительнее этот список, тем труднее приходится автору, вновь решившемуся идти по пути, пройденному столькими выдающимися предшественниками.

Но в силу многих причин общественный интерес к наполеоновской проблематике не исчезает, и, видимо, каждое новое поколение стремится по-своему осмыслить эту старую, но несостарившуюся тему.

Работая над книгой о Наполеоне, я, естественно, должен был обратиться к основным источникам: литературному наследству Бонапарта, его письмам, приказам и т. д.; документальным материалам, оставшимся от его окружения; переписке, мемуарам его сподвижников и современников — словом, ко всем тем памятникам эпохи, мимо которых не может пройти ни один исследователь. Возвращаясь к этим давно известным источникам, я хотел их постичь и прочесть без предвзятости, глазами историка-марксиста конца XX века.

Чтобы лучше понять это ушедшее в далекое прошлое время, я старался сопоставлять эти старые, но незаменимые источники с рядом иных источников, по разным причинам недостаточно или совсем не изученных специалистами. Речь идет о ценнейших фондах Архива МИД СССР, в частности о донесениях из разных концов Европы царских дипломатов в Коллегию, а затем (с 1801 года) в Министерство иностранных дел России; о богатом собрании рукописных материалов эпохи в Ленинградской публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина; частично о материалах парижского Национального архива, русской и французской печати тех лет.

Приношу самую искреннюю благодарность работникам архивов, московских и ленинградской библиотек и научных учреждений за их большую и всегда доброжелательную помощь в подборе материалов для этой работы.

Под знаменем идей Просвещения

Восемнадцатое столетие было временем удивительных человеческих судеб. В неподвижном по видимости мире строгого сословного деления, тщательно вымеренных иерархических ступеней, жестких правил регламентации материальной и духовной жизни неожиданно порядок был нарушен. Люди без роду, без племени, мальчишки, бог весть какими ветрами заброшенные в столицы могущественных монархий, оказывались вознесенными на вершину общества; без каких-либо заметных усилий — так по крайней мере представлялось — овладевали умами и сердцами своих современников, становились властителями дум поколения.

Все табели о рангах, все веками установленные нормы, каноны, традиции были смещены и опровергнуты.

Сын часовщика, самоучка, не получивший никакого систематического образования, бездомный скиталец, зарабатывавший на хлеб то трудом подмастерья гравера, то службой лакея, то поденной работой переписчика нот, внезапно стал самым знаменитым человеком Франции, Европы, мира. Двери замкнутых аристократических гостиных Парижа и Версаля широко распахивались перед этим нелюдимым, застенчивым и не желавшим быть любезным плебеем. Сам король Людовик XV приглашал его к себе и предлагал ему пенсию, но этот странный человек не принял милостивого приглашения, которого столько домогались. Он сослался на свое нездоровье, на болезнь — не угодно ли? — у него был цистит. Позже в «Исповеди» Жан-Жак Руссо, ибо речь, как понятно, идет об авторе «Новой Элоизы» и «Общественного договора», откровенно рассказал об этом. Он еще добавил: «Я терял, правда, пенсию в некотором роде, предложенную мне, но избавлялся от ига, которое она на меня наложила бы»¹.

Другой плебей, тоже сын часовщика, начинавший жизнь с ремесла своего отца, а затем постигший искусство зарабатывать большие деньги дерзкими финансовыми операциями, Пьер Огюстен Карон, вошедший в историю мировой литературы под именем Бомарше, не только достиг дворянского звания, стал богачом

и приблизился ко двору, но и подверг позже весь этот чванливый мир привилегированных сословий безжалостному осмеянию в «Севильском цирюльнике» и «Женитьбе Фигаро» — пьесах блистательного таланта, почти двести лет не сходящих с театральных подмостков мира.

Самодержавные властители империй и королевств — российская императрица Екатерина II, прусский король Фридрих II, польская королева — в льстивых письмах заискивали перед некоронованным главой «республики слова» Вольтером. Чья слава была выше — его величества божьей милостью короля французов Людовика XVI или не отягощенного ни титулами, ни званиями фернейского затворника? Когда на склоне лет, в последний год своей долгой жизни, старый писатель, покинув фернейское уединение, приехал в Париж, народ столицы оказал ему такой прием, какого не удостоивался ни один самый прославленный монарх. Везде, где он появлялся, его встречали восторженными овациями; тысячи людей шли за каретой писателя; увидев его в ложе театра, весь зрительный зал и артисты на сцене вставали и долго рукоплескали знаменитейшему из смертных². А ведь эта огромная, безмерная, застывшая в мраморе и металле слава начиналась совсем иначе — с дерзких, колючих насмешек иронического ума, навлекших на юного автора эпиграмм суровую кару — заточение в казематах Бастилии.

Сын ремесленника-ножовщика из старинного городишка Лангра, перебивавшийся в Париже случайными заработками от переводов с английского, в 1746 году, тридцати трех лет от роду, опубликовал книжку, озаглавленную «Философские мысли». Постановлением парижского парламента от 7 июля того же года книга была осуждена на сожжение. Тремя годами позже, вслед за выходом в свет анонимно изданной книги «Письмо о слепых в назидание зрячим», автор сочинения, назвавшийся Дени Дидро, был по распоряжению властей арестован и заключен в Венсеннский замок.

Прошло несколько лет, и бывший венсеннский узник стал прославленным литератором и философом, «директором мануфактуры энциклопедии», по выражению Жака Пруста³, вдохновителем, редактором и основным автором величайшего из изданий XVIII века, оказавшего громадное влияние на всю духовную жизнь эпохи.

В июле — августе 1762 года императрица Екатерина II, едва лишь вступив в результате дворцового переворота на престол, через князя Д. А. Голицына и И. И. Шувалова пригласила редактора знаменитой «Энциклопедии» приехать в Россию и наладить здесь печатание этого издания, подвергавшегося преследованию на родине — во Французском королевстве. Практически это было уже не нужно: издание продолжалось во Франции, но лестное предложение было должным образом оценено, и между Дидро и российской императрицей завязалась переписка. Царица звала философа в Северную Пальмиру, он благодарил, долго откладывал дальнейшее и казавшееся ему в ту пору рискованным путешествие. Наконец в 1773 году Дидро решился. Он выехал из Парижа весной, в мае. Почтовые кареты довели его до столицы Российской империи лишь в последних числах сентября. Прием, оказанный Дидро в Петербурге, как о том свидетельствуют письма писателя к Софи Воллан, потряс его. Сын ножовщика, прибывший как «посол энциклопедической республики» в Санкт-Петербург, был принят в императорском дворце не только с почетом — могущественная императрица беседовала с ним как с равным, советовалась с ним, высказывала уважение к его мнению.

Могли ли чиновники, подписывавшие в 1749 году приказ о заточении начинающего литератора в тюрьму, предвидеть, что его ждет в будущем такая слава?

Но эти необычайные повороты человеческой судьбы совершались не только во Французском королевстве.

Сын помора Архангельской губернии Михайло Ломоносов в девятнадцать лет покинул родной край, чтобы пешком добраться до далекой Москвы. Ломоносов дошел не только до первопрестольной столицы — он дошел до самых высоких ученых степеней; гениальный самоучка в тридцать четыре года стал членом Петербургской академии наук, а затем членом Шведской академии наук и почетным членом Болонской академии.

13 января 1782 года в Мангейме состоялась премьера пьесы автора, пожелавшего остаться неизвестным. Пьеса имела беспрецедентный успех. Зрительный зал был в исступлении: люди неистово аплодировали, вскакивали с мест, обнимали друг друга, что-то выкрикивали, поднимали кулаки. Подобного в театре еще не бывало.

Все спрашивали о неведомом авторе драмы, сразу всех покорившей. Кто он? Где он? Как зовут сочинителя взволновавшей всех пьесы? А сочинитель сидел притаившись в глубине директорской ложи; его никто не видел и не знал. Это был полковой лекарь при distinguished генерал-фельдцейхмейстера Оже гренадерском полку Иоганн Христоф Фридрих Шиллер. Незадолго до премьеры «Разбойников» ему минуло двадцать два года. С этого памятного дня, с 13 января 1782 года, имя Фридриха Шиллера стало одним из самых знаменитых. Он завоевал мир в один вечер.

Можно привести еще немало сходных примеров, но нужно ли это? Стремительное, как взлет ракеты, вознесение имени, вчера еще никому неведомого, а ныне заставившего всех говорить о нем, — разве это не было одной из верных примет предгрозового времени, зыбкости, неустойчивости мира, шедшего навстречу великим потрясениям?

Полноте, скажет иной читатель, не надо преувеличивать. Миллионы простых людей, крестьян, тех, кто обрабатывал землю и выращивал хлеб, ничего не знали об этих знаменитостях восемнадцатого столетия; они были неграмотны и, когда возникала необходимость, ставили на казенной бумаге крестик вместо своего имени.

Да, конечно, это так. Но и эти неграмотные, забытые люди, замученные непосильным трудом, закабаленные неисчислимыми феодальными повинностями и поборами, стонущие под властью помещика, сеньора, ландграфа, под высокой рукой монарха и церкви, чувствовали неизбежность надвигавшихся перемен. Мир при поверхностном наблюдении казался неподвижным, а устои могущественных многовековых монархий, главенствовавших в Европе, — несокрушимыми. Но это внешнее впечатление было обманчивым: все находилось в движении и существовала определенная связь между неудержимым стремлением народа освободиться от давившего его гнета и появлением на темном горизонте древнего континента почти одновременно нескольких десятков новых имен, заблиставших всеми гранями таланта.

Как бы по-разному ни складывались биографии Франсуа-Мари Аруэ, известного под именем Вольтера, или Жан-Жака Руссо, или аббата Габриеля Бонно де

Мабли, или Готхольда Эфраима Лессинга и Фридриха Шиллера, Джонатана Свифта и Ричарда Шеридана, Александра Радищева и Николая Новикова, Бенджамена Франклина и Томаса Джефферсона, сколь значительны ни были отличающие каждого из них и порожденные национальными условиями и неповторимыми индивидуальными чертами различия, между ними все-таки было и нечто общее.

И это общее было присуще не только названным здесь именам, но и великому множеству иных, неназванных, но имевших не меньшее право на благодарную память последующих поколений. То были люди, принадлежавшие к беспокойному племени неудовлетворенных — *insatisfaits*. Мир, который окружал их, его общественные институты, социальные отношения, законы, право, мораль — все представлялось им несовершенным; они всё брали под сомнение, осуждали и критиковали. И хотя одному из них принадлежал известный афоризм «Все к лучшему в этом лучшем из миров», кто мог сомневаться в том, что эта благонамеренная сентенция была откровенной издевкой? *

Основное, что сближало идейно этих столь разных деятелей, было отрицание окружавшего их мира. Мир был плох — на этом сходились все. Конечно, не природа, не зеленая трава, не листья на деревьях, не солнце, озаряющее землю, вызывали их недовольство. Напротив, непреходящая красота и величие природы еще резче оттеняли уродства и пороки мира, созданного человеком. Переводя взгляд от совершенной в своей нетленной красоте природы к человеческому муравейнику, мыслящие люди той эпохи ужасались. Сопоставление законов природы и законов, созданных человеком, было одной из отличительных черт передовой общественной мысли восемнадцатого столетия.

Отсюда рождались идеи о «естественных законах» (*lois naturelles*) и «естественном праве», о «естественном человеке» и о пагубности ухода от природы и ее законов, и, как логическое следствие этих констатаций, формировалась простая, но обладавшая огромной притягательной силой мысль: этот плохой мир надо сде-

* Как известно, в «Кандиде» Вольтера эти слова в устах доктора Панглоса звучат несколько иначе, пародируя сходную фразу Лейбница.

вать лучшим. Стремление к лучшему, более справедливому, более соответствующему естественным правам человека строю — строю, который принесет людям счастье, — вот что было общим для передовых мыслителей XVIII века⁴.

Идеология Просвещения никогда не была гомогенной. В сложном спектре ее идейных течений были представлены цвета всех классов и социальных групп — буржуазии, крестьянства, городского плебейства — со всеми их внутренними членениями, объединенных общим именем третьего сословия. Но третье сословие в XVIII веке при всей своей внутренней разногласии и частью видимых, частью скрытых противоречиях выступало единым, сплоченным общими интересами в конфликте с господствовавшим феодальным строем и привилегированными сословиями. Оно образовывало, пользуясь терминами наших дней, антифеодальный фронт.

И как бы внезапное восхождение на темном горизонте века блистательного созвездия дарований — философов, экономистов, историков, беллетристов, представлявших по-разному все оттенки передовой общественной мысли того времени, — было, конечно, явлением глубоко закономерным. Оно возвещало вступление в борьбу могучих сил антифеодального лагеря.

Позже этому полному жизненных сил идейному движению было дано обобщающее название — Просвещение. В XVIII веке писателей этого направления чаще всего называли «философами» или «партией философов». Во второй половине века «партия философов», гонимая и преследуемая монархией и церковью, в битве за умы и сердца уже явно одерживала победу. Ее влияние, в особенности на молодое поколение, было огромным⁵.

То были уже не буревестники-одиночки, возвещавшие приближение грозы. Надвигалась сама гроза, и ожесточенное сражение в сфере идей, в которое ввязывалась «партия философов», атакуя твердыни старого мира, было верным признаком приближавшегося социального взрыва огромной, небывалой еще силы, к которому шло европейское общество конца XVIII века.

Мощные подземные толчки нараставшего народного гнева все чаще прорывались наружу, и тогда дрожали стекла в гостиных барских усадеб и господских особняков. В 1748—1749 годах в разных провинциях Французского королевства и в самом Париже вспыхивали народные волнения, достигавшие порой внушительной силы. Из рук в руки передавали стихотворение, начинавшееся словами: «Восстаньте, тени Равальяка!» Это означало призыв к насильственному устранению короля. Все чаще шепотом произносилось запретное слово «революция»... В 1774 году началось восстание американских колонистов против британского владычества, и регулярные армии английского короля, перебрасываемые через океан непобедимым флотом, терпели поражение за поражением от простых фермеров и торговцев говядиной, сражавшихся за свободу и независимость молодой американской республики.

В 1775 году во Франции разлилось широкое крестьянское восстание, вошедшее в историю под именем «мучной войны». Огромным напряжением сил королевства оно было подавлено, но крестьянские мятежи продолжались.

В Австрийской империи Габсбургов, в маленькой Швейцарии, в итальянских землях в последнюю треть XVIII века то здесь, то там возникали народные движения разной степени силы. Даже в далеких владениях повелительницы могучей северной империи Екатерины II грозное крестьянское восстание под водительством Емельяна Пугачева напомнило, что и здесь казавшееся непоколебимым здание феодально-абсолютистской монархии подрывают изнутри волны народного гнева.

Когда Руссо в знаменитом романе «Эмиль» писал: «Мы приближаемся к состоянию кризиса и к веку революций. Я считаю невозможным, чтобы великие европейские монархи продержались бы долго»⁶, то это было не только гениальным пророчеством пронизательного ума, сумевшего разглядеть скрытое за завесой будущее. Это было и ощущением духа современности, точным восприятием направления ветров, проносащихся над Европой, над миром во второй половине восемнадцатого столетия.

Но проникали ли эти буйные ветры эпохи сквозь уз-